



- Александр Степанович, начнем по порядку, с вашей оперной карьеры, с того, как она начиналась.

- Это не совсем по порядку. В юности я об оперной карьере и не думал. Даже когда был в армии запевалой. Но запевале ведь не голос нужен, а другие качества. Главное - петь остревенело, неутомимо, с каким-то особым упоением, при этом четко печатая шаг. Я служил в ПВО в подмосковной Балашихе, был сержантом, командовал взводом. Кстати, волею судьбы со мной служил будущий главный дирижер Большого театра Александр Лазарев, с которым мы потом вместе работали.

Когда вернулся из армии домой в Днепрпетровск, опять пошел работать на свой завод горношахтного оборудования токарем. Познакомился с девушкой, она была участницей кружка художественной самодеятельности. Она пела, я по вечерам ходил ее встречать. Руководитель подначивал меня: "Ну что, ухажер, может, и ты запоешь?" И так он меня, как сейчас говорят, достал, что я решил назло ему действительно начать петь. Я не считал, что пение это что-то сверхъестественное. Купил пластинку, выучил песню. Представлял, как выхожу на сцену, как мне рукоплещет зал. И стал мечтать, что в этом плохого? Но одними грезами не ограничивался. Через несколько месяцев меня знали в районе, потому что я пел на избирательных участках во время выборов, используя любую возможность выступить. Люди подходили ко мне и говорили, что я должен учиться, что такой талант достоин большего, чем избирательный участок.

Потом поступил в Днепрпетровское музыкальное училище на хормейстерский факультет. Почему на хормейстерский? Исключительно по незнанию того, куда мне надо. Но в будущем эти два года обучения принесли мне огромную пользу. Я понял, что пение - это не только извлечение звуков, это еще музыка, ритм, интонация. Через два года поступил на вокальный факультет Одесской консерватории. Мое имя золотом высечено там на доске, где помещены фамилии тех, кем консерватория гордится. И я горжусь тем, что учился там.

- Но не по распределению же оттуда вы попали в Большой? Наверняка помог какой-то интересный случай?

- В моей жизни таких случайностей было немало. Будучи студентом 4-го курса консерватории, я пел в одесской опере, был ассистентом профессора и преподавал там же, в консерватории, на начальных курсах. Когда я заканчивал 5-й курс, приехала комиссия из Москвы. Они искали юные дарования, молодую кровь. Им порекомендовали меня. После того как я им спел, руководитель комиссии, известный солист того времени Григорьев, сказал мне: "Вам надо ехать на прослушивание в Большой".

Но пока надо было ехать на конкурс в Испанию, в Барселону, с остановкой на три дня в Москве. Жили в гостинице "Будапешт", и я каждый раз, проходя мимо Большого театра, вспоминал слова Григорьева. У меня был его телефон. И я решил, дай-ка позвоню ради хохмы. Набрал номер. Григорьев ничуть не удивился, спрашивает: "Так когда вы придете?" "Да хоть сейчас", - говорю. "Тогда сейчас и ждем", - и повесил трубку.

Прихожу в Большой, нахожу Григорьева. Собрали комиссию, и все мы пошли в Бетховенский зал. "Спойте нам что-нибудь", - просят меня. "Хорошо, - говорю, - спою вам арию Елецкого из "Пиковой дамы", Роберто из "Иоланты" и Мазепу из "Мазепы". Председатель комиссии удивился: "Как? Все подряд?"

Я спел все три арии. "Вам надо в наших спектаклях петь", - сказал мне председатель сразу после прослушивания. - Будете петь в "Иоланте" 27 мая?" - "Конечно", - смело заявил я, хотя волновался страшно. Я всегда был авантюристом.

Съездив на конкурс в Барселону, стал его лауреатом, вернулся домой, выучил роль. Но из Большого вестей нет, и я решил, что они передумали. Я не знал, что в наш театр оттуда пришла телеграмма о том, чтобы я вылетал для участия в "Иоланте", но в театре телеграмму, разумеется, спрятали - не хотели меня терять.

Ночь с 26 на 27 мая. У меня дома звонит телефон. На том конце провода возмущенный голос заведующего оперой Большого: "Почему вы в Одессе, а не в Москве? Вы что, не получили телеграмму?" Я сразу все понял и говорю: "Все, вылетаю". В пять минут собрался - и что есть духу в аэропорт. Утренним самолетом прилетел в Москву и часам к 12 появился на репетиции в Большом. Раньше в "Иоланте" я никогда не пел. Покойный ныне режиссер Моралев говорит мне: "А как же ты петь будешь, ты ведь не знаешь мизансцен, кто где стоять должен, кто куда идти". "Но ведь текст-то я знаю", - нагло заявил я. Ситуация была настолько безысходной для режиссера, что от отчаяния он схватил себя за голову и... рассмеялся. Смех, скорее всего, был истерическим. "Ну играй как хочешь", - сказал он и репетицию со мной проводить не стал.

- И как же вы спели? Впервые на сцене Большого, без единой репетиции.

- Впервые на сцене Большого, без единой репетиции и в ведущей роли. 27 мая 1975 года. После спектакля стою в гримборной, еще не

ДЕНЬГИ ДЕНЬГАМИ, НО ХОЧЕТСЯ РАБОТАТЬ ДЛЯ ДУШИ

В жизни народного артиста России, в прошлом известного оперного певца, Александра ВОРОШИЛО было немало драматических, даже трагических событий. Прославленный оперный певец, он в расцвете своей карьеры теряет голос. С нуля начинает собственный бизнес и достигает в нем огромных успехов. Правильно говорят: талантливый человек талантлив во всем. Недавно - новый поворот в его богатой биографии: Ворошило пригласили работать исполнительным директором Большого театра. Сегодня легендарный артист у нас в гостях.

успел разгримироваться, в парике. И вдруг ко мне заходит главный дирижер и дирижер за пультом Александр Лазарев, с которым я служил в армии, но тогда, в гриме, он меня не узнал. Главный протягивает мне руку: "Поздравляю вас". Смотрит на дирижера: "Ну что скажете?" Лазарев: "По-моему, наш человек". Главный: "Тогда поздравляю вас еще раз. Вы зачислены в труппу".

- Как же так, Александр Степанович? В Большом театре вы прославились на весь мир. Почему же вы бросили все и ушли в начале 90-х годов в бизнес?

- Это был вынужденный шаг. Я переболел и потерял голос. Настоящая трагедия. Представляете, что значит потерять голос для оперного певца? Но я не спился, не наложил на себя руки, как мог бы поступить другой на моем месте. Я человек очень честолюбивый, привык быть первым. Поэтому я написал заявление об уходе и ушел.

Телефон молчит, я никому не нужен. Надо платить за квартиру, а денег нет. Собрал ценные книги, сдал их в букинистический. Посмотрел на вырученные деньги и твердо сказал себе: "Все. Начинаю работать".

- С чего начали?

- Решил для себя: неважно что делать, главное - действовать. "Что в первую очередь покупают люди?" - рассуждал я. - Хлеб, колбасу и водку". Хлеб - дело очень хлопотное, водка - опасное и криминальное, поэтому остановился на колбасном бизнесе. Колбаса-то тут ни при чем. Просто я умел организовывать людей, это был мой конек. Со своими товарищами в складчину мы купили старое немец-

кое оборудование и разместили его - благодаря моей известности - на базе столовой МГУ. Когда таскали его вручную на второй этаж, я даже спину сорвал, а студенты и профессора смеялись: "Смотрите, народный артист, а какие-то трубы сам таскает". Я еще пережил немало унижений из-за своей новой профессии.

Вскоре мы открыли магазин. Делали по 200-250 кг колбасы в день. На хороших технологиях из Германии, Польши, Чехословакии - стран, которые славятся своей колбасой, я потратил все деньги. И, как показало время, не ошибся.

- "Кремлевская" колбаса у вас, надо сказать, отменная.

- Мне это очень приятно слышать, честное слово.

- Где вы ее делаете?

- У меня небольшой завод на Дмитровском шоссе.

- Недавно вы сыграли роль в новом фильме Владимира Меньшова "Зависть богов". Почему вдруг решили сняться в кино?

- Не использовать такую возможность - сняться у лауреата премии "Оскар", по-моему, грех.

- Вы были знакомы с Меньшовым? Я почему спрашиваю - это ведь не рядовой случай, когда режиссер вдруг приглашает на съемки оперного певца, который к тому же давно не поет, а занят совершенно в другой сфере.

- Володя Винокур, мой сосед, познакомил меня с Меньшовым еще тогда, когда тот собирался снимать "Ширли-мырли". Винокур очень хотел "показать" меня Меньшову. И однажды позвал его в ресторан. Когда мы встретились и я стал рассказывать истории из опер-

ной жизни, Меньшов от смеха просто упал под стол. Вот так мы познакомились.

Прошел год. За это время мы не общались ни разу. И вдруг Меньшов звонит мне и говорит таким тоном, как будто мы с ним разговаривали пять минут назад и недоговорили. "Саня, ты где сейчас? Я сейчас подъеду к тебе". Через полчаса появился: "Чай у тебя есть?" "Есть", - говорю. - "Ну ты налей мне чайку, а сам пока почитай вот это. И даю мне сценарий. Я тут для тебя роль написал". Я просто обалдел. Главная роль! А я ведь в кино-никогда не снимался. Отказался, конечно. Потом эту роль с блеском сыграл Гаркалин. Прошло время. Меньшов задумал новую картину. И опять ко мне: "Ну снимись, ну сделай это для меня". Наконец он уговорил меня, но с условием, что сниматься буду только в эпизоде. Теперь, когда фильм вышел на экран, видно, какой это эпизод. Роль второго плана, но довольно большая. Я играю полковника КГБ. Те, кто видел фильм, говорят, что очень убедительно.

- Меньшов от ваших историй так смеялся, что упал под стол. Расскажите и нам что-нибудь, Александр Степанович. Но если можно, историю с вашим участием.

- С моим участием? Пожалуй. В 76-м году театр отправился на гастроли в Киев. Многие поехали на своих машинах. Поставили их у гостиницы, где театр остановился. Я тогда пел еще очень мало, и у меня было много свободного времени. Отдыхал в своем номере, смотрел телевизор. Вдруг стук в дверь. "Саха, вас разыскивает завоперой", - сказал кто-то из артистов. Пришлось идти. Завоперой - Надежда Ивановна Клягина, встретила меня словами: "Деточка, как вы себя чувствуете?" "Пока слава богу", - отвечаю, а сам думаю: в чем дело? - "Вы знаете, у Леры Джапаридзе машину украли". "Ой, какая беда", - я искренне расстроился за коллегу. "Но беда еще и в том, - сокрушается завоперой, - что на нервной почве он потерял голос, а ему сегодня "Зори здесь тихие" петь. Так что придется вам. "Да что вы, Надежда Ивановна, я ж никогда этого не пел". - "Деточка, там три куплета всего. Пойдите выучите, вы ж молодой".

Учил я действительно быстро, и через час мы с пианистом разучили мою арию - песню под гитару. Но я знал, что, выйдя на сцену, текст могу вдруг забыть, слишком уж мало времени было на его закрепление. А до спектакля остается полтора часа. Высказал свои опасения концертмейстеру. Она: "Что вы волнуетесь! Там же в будке суфлер". Я успокоился.

Начался спектакль. Киевский оперный театр - замечательный, но сцена поменьше нашей, и декорации "Зорь" поместились с трудом. И самое страшное то, что помост, по которому девушки уходили в вечность, закрыл будку суфлера. Я должен был петь в финале, когда, если помните "А зори здесь тихие...", компания туристов обнаруживает могилы. В кедах, с гитарой, на которой леска вместо струн (я только пел, играл оркестр), выхожу на сцену. Спокойно себе пою первый куплет. После него оркестр играет небольшой проигрыш. Я собрался петь второй и спел бы его, если бы черт меня не дернул глянуть на будку суфлера. Ее-то я и не увидел. И текст, конечно, тут же вылетел у меня из головы. И тут же на ходу стал сочинять собственный текст на эту мелодию. И как ни в чем не бывало пел его. Стихи получились неплохие, одна беда - на музыку они не ложились. Я вошел в раж и стал на ходу сочинять и петь третий куплет. Публика начинает понимать, что на сцене происходит что-то не то. Ситуация пиковая. Девушки из мимического ансамбля, которые по роли со мной гуляли, начинают прыскать от смеха, отворачиваются. Я весь белый, на лбу выступил холодный пот, но все пою и пою, не могу остановиться.

Вы знаете, как ни странно, я заработал бурные аплодисменты. В оркестре музыканты от смеха вытирали слезы. Кто-то пошутил: "На поклон выйди". А я не понял, что надо мной смеются, и вышел. И оказался прав. Услышал настоящие овации.

- Спасибо за историю, Александр Степанович. Но вернемся к суровым будням. Вы согласились стать исполнительным директором Большого в то время, когда там происходят постоянные конфликты, смена руководства.

- Смена руководства - обычная история для любого коллектива, а тем более государственного театра. Это же не частный бизнес. Мне эту работу предлагали давно, но я отказывался. Тогда не было возможности воплотить все то, что я хотел. Теперь, кажется, есть. Жена недавно мне говорит: "Саха, у нас все замечательно, есть бизнес, который обеспечивает нас. Но вот было бы хорошо, если бы ты вернулся в Большой. Это была бы работа для души". И недавно я дал согласие. Большой - мое сердце, моя душа, чем бы я ни занимался. В Большом я у себя дома. Те, кто думает, что я пришел следа из театра богадельню, очень заблуждаются. Впрочем, они, наверное, за то недолгое время, что я работаю, успели это понять.